

ему первый путь къ славѣ!» Нѣтъ этой минуты,—и кн Андрей сидитъ сложа руки .. «Слушая Билибина, онъ соображалъ уже, какъ, приѣхавъ къ арміи, онъ на военномъ совѣтѣ подаетъ такое мнѣніе, которое одно спасаетъ армію и какъ ему будетъ поручено исполненіе этого плана.» Выходить: или —геройство, подвиги, или—бездѣліе абсолютное,—середины у кн. Андрея нѣтъ: болѣе скромныя цѣли, болѣе скромная польза и задачи—недостойны его .. Вотъ почему, когда «геройство» его, когда «Тулонъ» его не выгорѣли при Аустерлицѣ, онъ вышелъ въ отставку, засѣлъ у себя въ имѣніи и захандрилъ, говоря, что онъ уже «слуга покорный, далъ слово въ русской арміи не служить болѣе», что не мѣшаетъ ему, однако, увѣрять Пьера, что «его желаніе славы— та же любовь къ ближнимъ, желаніе сдѣлать имъ добро и стяжать ихъ похвалу...» Кн. Андрей, какъ мы уже говорили, искусно носитъ свою эстетическую маску «разочарованности», скептицизма и печали... Онъ сдѣлалъ, надо отдать ему справедливость, очень удачный выборъ, ибо трудно найти болѣе утонченную, болѣе красивую и серьезную, такъ сказать, эстетическую маску, какъ маска искусственной «разочарованности»,—эстетическое отчаяніе, которое такъ бы «шло» къ человѣку, имѣло бы такую прелесть въ глазахъ другихъ, придавало бы ему такой гордый вызывающій взглядъ и высококомѣрную улыбку... Не даромъ кн. Андрей принадлежитъ къ эпохѣ, когда уже готова была почва для появленія будущаго «байронизма» и слѣдовавшей за нимъ роковой и трогательной эпидеміи, отъ которой не избѣгъ ни одинъ мыслитель и артистъ первой половины XIX столѣтія! «Зачѣмъ связался я съ обществомъ, когда я поэтъ, когда на челѣ моемъ написано, что я долженъ вести кочевую жизнь, что обреченъ на жертву грусти и свободѣ? Для чего я вступилъ въ союзъ съ человѣческой семьей? Не въ